

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЛИКАН

*Всякое тело должно подчиниться смерти всеильной.
Но остается навеки образ живой.
Он лишь один – от богов.*

Пиндар.

Разговаривать начал пяти дней от роду, причем сразу на нескольких языках. Писать, читать, считать стал в колыбели. Курс гимназии прошел за три дня, колледж – за месяц, через год, занимаясь исключительно самообразованием, достиг уровня знаний члена Британской академии...

Сначала это восхищало соотечественников, потом стало раздражать... Непомерно развитый мальчишка оскорблял достоинство седовласых ученых. А я продолжал углубляться в науки, открывал законы и истины и тут же понимал их несостоятельность и необходимость новых законов и новых истин... «Ибо умножая знания, умножаем скорбь...» А тут еще я начал расти не по дням, а по часам, поднимаясь фут за футом над уровнем сограждан. Скоро я уже наблюдал свою землю с высоты птичьего полета... Я видел, как она прекрасна, как живописны ее холмы и горы, но я видел и как ее губят, как жгут леса, как бездумно бороздят наделами без всякого плана и мысли, как люди убивают друг друга из-за куска земли... Сэр, у великанов, к сожалению, все чрезмерно – зрение, слух, совесть... Каждый выстрел отзывался в моих ушах, каждая смерть рвала на части мое сердце...

Г. Горин. «Дом, который построил Свифт».

---

* На фото слева направо: А.Б. Никольский, Ю.Н. Кузьмин и Е.В. Смыков, Саратов, 2003 год.

Писать воспоминания о Евгении Владимировиче Смыкове лично для меня очень непросто. Не потому что нечего сказать или что-то трудно вспомнить за давностью времени. Разумеется, нет. Это своего рода психологический барьер – в подобных записках подводится некая черта, и ты окончательно понимаешь, что человек, о котором ты пишешь, безвозвратно ушел. Что не будет больше встреч, совместных посиделок, поездок, длинных телефонных разговоров и обменов письмами. И очень символично, что этот очерк был начат 8 ноября – в День его Рождения – своего рода последний подарок своему Учителю от самого нерадивого ученика.

Когда пишешь подобные очерки, невольно задумываешься о том, какую роль в твоей жизни сыграл этот человек. Были ли Вы близки или оставались просто коллегами, когда Вы познакомились и как часто общались? И самое главное – какой след он оставил в твоей судьбе?

В моей жизни знакомство с Евгением Владимировичем Смыковым стало определяющим и в какой-то степени даже судьбоносным, как бы высокопарно это не звучало. Однако все по порядку.

Наша встреча состоялась в далеком 2000 году в Саратове, куда я приехал прикрепляться к кафедре, которая тогда располагалась на третьем этаже нынешнего IV корпуса СГУ. Меня очень тепло там приняли, Сергей Юрьевич Монахов подарил свою монографию, вышедшую годом ранее – «Греческие амфоры в Причерноморье». Позже, когда на кафедру пришел Е.В. Смыков, Виктор Николаевич Парфёнов, тогда бывший заведующим кафедрой, представил меня. Мы общались около часа и тогда за этой беседой был сформирован новый круг моих научных интересов. Я был просто очарован этим большим во всех смыслах человеком. Рядом с ним я понял, как чудовищно необразован, а он по-доброму делал вид, что не замечает этого. Мы обменялись контактами, и я стал с нетерпением ждать, когда Евгений Владимирович пришлет мне материалы для начала работы. Но первое письмо пришло только в конце апреля. Этот желтый листок, исписанный с двух сторон мелким почерком, до сих пор хранится у меня.

«Дела сложились таким образом, что я оказался выше крыши загружен учебными делами и текущей работой и выбился из всех своих графиков. Показатель того – то, что планировал где-то к середине апреля закончить черновой вариант новой большой статьи о религиозной политике М. Антония, но не имел времени не только закончить – даже начать ее. Среди прочей загрузки – почти анекдот: достались мне «по наследству» дипломники с заочного; темы им давал не я, пришлось вести то, что есть, а среди тем – такая, что я даже не знал, что думать: “Кальпурнии Пизоны”. Острота ситуации в том, что автор работы «в положении» и рожать ей где-то во времена зашит. В общем, единственное, что я смог придумать, это продиктовать ей перевод соответствующих статей из RE – что я сделал (правда, пока не до конца). Это сразу отняло у меня резерв времени. Получилась примерно такая схема дня: занятия на дневном (или в школе, или в политехнич.) – диктовки – занятия на вечернем (они у меня каждый

день, т.к. два моих спецсеминара попросили вести у них языки, а это ведется у них вне учебного плана и расписания)».

В этом был весь Евгений Владимирович – несмотря на серьезную загрузку, он не просто не забыл о своем обещании прислать материалы, но сумел найти время и написать большое письмо. С него и началось наше общение, продолжавшееся сначала в нечастых встречах, редких телефонных звонках и письмах и выросшее затем в дружбу.

Особенно близкими наши взаимоотношения стали после совместного участия в археологической экспедиции. Тогда Смыков возил студенческую практику и приглашал близких и знакомых присоединиться к экспедиции, разумеется, частным порядком. Это было потрясающее время – работа на раскопе сопровождалась дружеским общением в самой разнообразной кампании. При этом «матрасников» (тех, кто не выходил на раскоп) Е.В. не жаловал – «Работать должны все и практике подавать пример». Это касалось и его семьи. В экспедиции его всегда сопровождала семья – жена Марина и два сына – Иван и Николай («Ванно и Колянныч»).

Общение в экспедиции шло по самым разнообразным темам: от раскопочных баек и политических споров до научных дискуссий. Все это проходило на берегу Черного моря и сопровождалось распитием прекрасного вина (естественно, в нерабочее время).

Впрочем, об этой археологической части его биографии нужно рассказывать отдельно – здесь было и празднование дня археолога, и принятие в археологи практикантов (при этом Е.В. всегда играл ключевую роль в этом мероприятии), и поездки на экскурсию иногда в Таманский археологический музей, а иногда в Анапский, участие в качестве массовки в фильме Тиграна Кеосаяна «Мираж», пеший поход с Таманского залива на Азовское море, поездки в чебуречную в станице Тамань и многое другое. Тогда действительно казалось, как в песне, что «лето – это маленькая жизнь».

Мне особенно запомнилось то, как однажды уже в ночное время Евгений Владимирович цитировал нам по памяти «Илиаду» на древнегреческом. Шум морских волн и неяркий свет фонаря придавали особое волшебство этому моменту.

Вообще, нужно отметить, что Е.В. Смыков был всегда окружен друзьями. Вокруг него буквально из-под земли вырастал, своего рода, «кружок сподвижников» – студенты, коллеги, друзья, те, кто ездил с ним на археологическую практику. Его выражение – «наш человек» было лаконичной, но весьма емкой фразой, которая позволяла положительно судить о человеке.

И с каждым он находил о чем поговорить. Его собеседников не могла не поражать широта его кругозора. Помимо античности, он любил и прекрасно знал историю Средневековья и Нового времени, а особенно историю России, следил за современными политическими событиями (всегда штудировал газету «Завтра»), разбирался в кинематографе, как никто другой (особенно в советском). Свою любовь к кино он старался привить и студентам. В этом проявлялась его особая педагогическая миссия. Он организовывал просмотры фильмов, затем обсуж-

дал их со студентами. Особенно дороги ему были старые фильмы о Великой Отечественной войне. Он трепетно относился и к истории самой войны и подвигу ветеранов.

Рядом с академическими интересами у него соседствовала, и прекрасно уживалась, любовь к детективам и детективным сериалам. И эта эстетическая эклектика его прекрасно характеризует – он был мудрец, в котором жил романтический и доверчивый ребенок, который был во многом категоричен, но в тоже время удивительно добр. Внутри него билось сердце такое же большое, как и он сам. За это его все и любили. Причем для каждого он был своим, для кого Женей или Владимировичем, для кого официально Евгением Владимировичем, для кого товарищем Смыковым.

Но не нужно думать, что доброта делала его мягкотелым. В некоторых вопросах он был принципиально категоричен и тут уж могло достаться любому – вне зависимости от того, друг он или не друг. В этот момент он припечатывал словом так, что запоминалось надолго. Особенно это касалось научной сферы. Сам Е.В. Смыков был Ученым с большой буквы. Его научные труды были очень интересными и яркими. Он всегда пытался докопаться до сути проблемы, при этом он все время заставлял сомневаться в источниках – «а это кто мог сказать и почему?», «кто это видел?» и так далее. Исповедовал принцип, который в одном из своих трудов сформулировал Н.С. Борисов – «Сомнения – душа науки». К этому добавлялось максимальное погружение в историографию научной проблемы, а также использование полного спектра источников.

Очень жаль, что все, что он задумал он не смог реализовать до конца, но на сегодняшний день вызывает радость, что ему удалось увидеть вышедшую незадолго до его смерти в издательстве «Молодая гвардия» биографию Гнея Помпея Великого за его авторством (совместно с А.В. Короленковым). Экземпляры этой книги он хотел подарить друзьям, как он поступил с предыдущей – биографией Луция Корнелия Сулы, но не успел этого сделать.

В конце этого весьма краткого очерка, конечно, придется написать банальности – что уход Евгения Владимировича это большая потеря для всех нас, и нам будет его не хватать; или что он для многих был объединяющим началом и сейчас всем как-то не верится, что его больше нет с нами. Разумеется, эти дежурные фразы мы часто слышим при прощании с близкими, но разве от того, что эти фразы банальны они не могут быть правдой? Нам все еще кажется, что он сидит в своем маленьком кабинете дома перед компьютером, читает или смотрит какого-нибудь «Айвенго», а может «Три мушкетёра», а то и вовсе детективные сериалы. И ему все еще можно позвонить и посоветоваться о том, что читать, что смотреть, а то и как жить.

Vale, amice!!!

А.Б. Никольский*

---

* Никольский Андрей Борисович, независимый исследователь г. Астрахань.